«ЧИСТО РУССКИЙ АНЕКДОТ»

СЦЕНАРИЙ БЕНЕФИСА КОМЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

САМАРА, 2019

САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Министерство культуры Самарской области

Государственное бюджетное учреждение культуры
«Самарская областная юношеская библиотека»

443110, г.о. Самара, пр. Ленина, д. 14, тел.: (846) 334-23-52, 334-45-80
ОКПО 2188551/ОГРН 1026301176076 /ИНН 6316034649 / КПП 631601001
сайт: www.soub.ru e-mail: soub@soub.ru vk: bookcity

2019 год – Год Театра в России

«ЧИСТО РУССКИЙ АНЕКДОТ»

Сценарий Бенефиса комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»

Самара, 2019

ББК 83.3(2=411.2)52-8Гоголь Н.В., 446
Ч-68

«Чисто русский анекдот»: бенефис пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор» / Самарская ОЮБ; сост. Е.Е. Цупрова; отв. за вып. Е.А. Иванова.- Самара, 2019.

Отзывы и предложения просим направлять по адресу:
443110 г. Самара, пр. Ленина, д. 14
Самарская областная юношеская библиотека
Телефон 8(846) 334 – 45 – 80
E-mail: ivanova@soub.ru
Сайт Самарской ОЮБ: www.soub.ru

© ГБУК «Самарская областная юношеская библиотека»

«Чисто русский анекдот»

«Ревизор» – пьеса совершенно новаторская. В комедии нет ни одного положительного персонажа. Когда писателя упрекали в этом, он отвечал, что главный положительный герой «Ревизора» – смех».

(из книги «Гоголь: неуслышанный писатель»)

Чтец

Мог выйти архитектор из него:
Он в стилях знал извилины различий.
Но рассмешил при встрече городничий,
И смеху отдал он себя всего.

Смех Гоголя нам ценен оттого, —
Смех нутряной, спазмический, язычий, —
Что в смехе древний кроется обычай:
Высмеивать своё же существо.

В своём бессмертьи мертвых душ мы души,
Свиные хари и свиные туши,
И человек, и мертвовекий Вий —

Частица смертного материала...
Вот, чтобы дольше жизнь не замирала,
Нам нужен смех, как двигатель крови...

Игорь Северянин

Дама литературная

Мы пригласили вас, господа, чтобы сообщить преприятное известие. У нас сегодня бенефис пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор»!

Дама театральная

Я надеюсь, никто в этом зале не будет спрашивать: «Как «Ревизор»? Почему «Ревизор»? «Какой «Ревизор»?!». Каждому из нас со школьной скамьи известна эта пьеса Николая Васильевича Гоголя.

Смех в «Ревизоре» взят в каком-то всеобъемлющем качестве, в сиянии своей славы. Весьма популярная и актуальная пьеска. А если присмотреться – в ней проскакивает что-то от древней мистерии, от какого-то ритуала, где сакральная жертва смыкается с безграничной стихией космического. Голубая кровь (неба) и само исчадье смеха …
А.Д. Синявский (А. Терц).

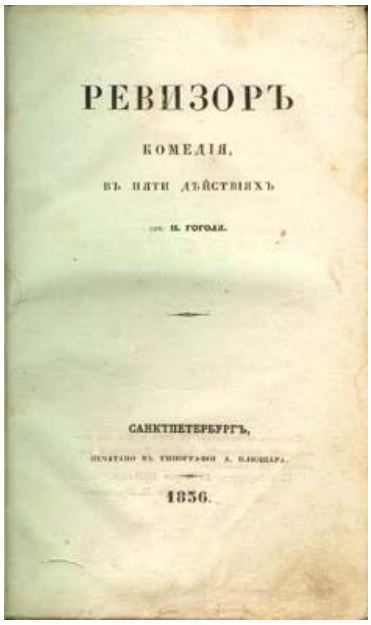
Ведущий

Разрешите представить приятных во всех отношениях дам, которые украсят наш бенефис! Одна из них отдаёт предпочтение литературе (появляется Литературная дама). Другой даме ближе территория Мельпомены – театр.

Дама театральная

Господа! Я просто горю нетерпением заглянуть в родословную нашей бенефициантки!

Дама литературная


РЕВИЗОРЪ

КОМЕДІЯ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

Н. ГОГОЛЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1836.

Что ж, извольте! История литературы приписывает сюжет «Ревизора» Пушкину.

Да, господа, я читала воспоминания литератора и друга Гоголя Павла Васильевича Анненкова. Он утверждал, что Пушкин жаловался близким: «С этим малороссом надо быть осторожнее, он обирает меня так, что и кричать нельзя». Кроме того, есть еще один документ, который подтверждает участие Александра Сергеевича в создании «Ревизора». Это письмо Гоголя к Пушкину от 7 октября 1835 года, в котором тот прямо просит подарить сюжет комедии: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать... комедию». Правда, ответного письма или хотя бы записки Пушкина на это послание не сохранилось. Пушкин был в Михайловском и вскоре вернулся в Петербург. Он мог передать сюжет устно. Сам Николай Васильевич в «Авторской исповеди», написанной десять с лишним лет спустя, утверждал, что «Ревизор» подсказан Пушкиным. Но Гоголь был мастер сочинять.

Ведущий

Конечно, Пушкин мог пересказать Гоголю анекдот, записанный у Александра Сергеевича в дневнике. В нём речь идет о некоем Криспине, который приезжает в губернию на ярмарку и которого принимают за важное лицо. Такой случай был и с неким Свиньиным. Тот сам рассказал о нём Пушкину. Да и Александр Сергеевич попал однажды в подобную историю, когда во время путешествия в Нижний Новгород и Оренбург его приняли за человека, присланного ревизовать губернию. Пушкин, как известно, собирал материал для «Истории Пугачёва», расспрашивал свидетелей этих событий, внимательно изучал документы. Губернатор, весьма встревоженный расспросами Пушкина, поспешил уведомить коменданта Оренбурга о том, что поездка Александра Сергеевича имеет

главной целью секретную ревизию. Он принял будущего классика мировой литературы за ревизора, имевшего своей целью проверить действия чиновников.

Дама литературная

Между прочим, один их интереснейших писателей XX века Андрей Донатович Синявский (Абрам Терц) в своей нашумевшей книге «Прогулки с Пушкиным» высказал парадоксальную мыль: Пушкин – один из прототипов Хлестакова! Не зря он с Александром Сергеевичем «на дружеской ноге»! Где доказательства?! Андрей Донатович указывает на то, что Хлестаков, как и Пушкин, «французит … юрок и болтлив, развязан, пуст, универсален, чистосердечен … врет и верит». Синявкий обращает внимание читающей публики на совпадение не только петербургской службы, любвеобильности, но и на точное совпадение адреса Хлестакова с пушкинским адресом в Петербурге!

Хлестаков
Иллюстрация Д. Кардовского

Дама театральная

Возможно, в создании нашей бенефициантки не обошлось без Пушкина. Он, как известно «наше всё». Я хочу вспомнить, как ещё задолго до написания «Ревизора» сам Гоголь разыграл генеральную репетицию своей пьесы.

Дело было в 1835 году. Он удался писателю на славу! Столько о Гоголе ещё не говорили и не писали. Его активно печатают. Так хорошо ему еще не жилось и не писалось!

Гоголевское торжество увенчивается новой поездкой на родину. В этих посещениях Васильевки вырабатывается некая закономерность. Он едет туда только с удачею, он является собственной персоною, пустив вперёд себя свои книги и славу, печатные отзывы газет, брань и похвалы.

Всё это подмывало его несколько потешиться своим положением и (вспомнив унижения на почтовых станциях в 1832 году) некоторым образом припугнуть своих обидчиков. Заехав по дороге в Киев к Максимовичу, Гоголь держал далее путь со своими друзьями Пащенко и Данилевским. Гоголь хотел основательно изучить впечатление, которое

произведёт на станционных смотрителей его ревизия с мнимым инкогнито. Для этой цели он просил Пащенко выезжать вперёд и распространять везде, что следом за ним едет ревизор, тщательно скрывающий настоящую цель своей поездки. Благодаря этому манёвру, замечательно счастливо удавшемуся, все три катили с необыкновенной быстротой. А ведь раньше им нередко приходилось по несколько часов дожидаться лошадей. Когда Гоголь с Данилевским появлялись на станциях, их принимали всюду с необычайной любезностью и предупредительностью. В подорожного Гоголя значилось: адъюнкт-профессор, что принималось обыкновенно сбитыми с толку смотрителями чуть ли не за адъютанта Его Императорского Величества. Гоголь держал себя, конечно, как частный человек, но как будто из простого любопытства спрашивал: «Покажите, пожалуйста, если можно, какие здесь лошади, я бы хотел посмотреть их».

Дама литературная

Не будем забывать, господа, что до «Ревизора» существовала уже и комедия Квитки «Приезжий из столицы», где была обыграна точно такая же история. А в 1834 году в «Библиотеке для чтения», которую, как показывают факты, усердно читал Гоголь, появилась повесть А. Вельтмана «Провинциальные актеры», где опять-таки всё напоминало тот же сюжет. Актер Зарецкий, не успев переодеться в обычное платье, прибывает в уездный город в костюме генерала Лафайета. Будучи сильно пьян, он вываливается из брички на окраине города, и подобравшие его люди принимают его за настоящего генерала. К тому времени в городе ждут генерал-губернатора. Решив, что это он и есть, чиновники и обыватели приходят в ужас.

Ведущий

Сюжет, конечно, носился в воздухе, он уже был почти что фольклорным – оставалось лишь сесть и записать его. Но нужен был особый дар Гоголя, чтоб в уже имеющихся и даже обнародованных фактах рассмотреть то, что никто до него не заметил. Ведь для того, чтобы произвести впечатление важной персоны, Хлестакову не нужен ни мундир, ни другие ухищрения (как в упомянутых произведениях Вельтмана и Квитки).

Ситуация, описанная Квиткой и Вельтманом, содержащаяся в сюжете Пушкина, повторялась ежечасно на русских дорогах, в уездных и губернских городах, а также в самой столице, где перед появлением ревизора из ревизоров – императора – всё приходило в блеск и трепет.

Что ж, и государь в своём государстве зависел от страха ближнего. Воспитанный в страхе перед теми, кем он правит, он должен был лелеять этот страх и наращивать его. И обязанность превращалась от многократного повторения в удовольствие. Но услаждаться видом

страха может только тот, кто сам боится, кто бесстрашие и свободу чувств почитает за неполноценность, за ущербность. Страх, наполняющий все поры государственного организма сверху донизу, делает как бы совершенным этот организм, отрицательно полноценным.

Пусть почтенная публика, судит, где и у кого Гоголь почерпнул сюжет для комедии. Была ли это мысль Пушкина, так счастливо обыгранная им, переделка и преображение уже прочитанного и услышанного, или сама действительность подбросила Гоголю этот «русской анекдот».

Дама театральная

Первое явление в свет нашей бенефициантки произошло в январе 1836 года. В те времена писатели не носили напрямик тексты своих рукописей издателям, а сначала читали их своим друзьям, на вечерах в домах известных литераторов.

Гоголь, несомненно, был человеком театральным. Николай Васильевич читал «Ревизора» на вечере у Василия Андреевича Жуковского. По воспоминаниям современников, читал он великолепно. Спокойно, просто. Гоголь сам словно разыгрывал всю пьесу, при этом ни разу не засмеявшись. И только когда слушатели не могли удержаться от хохота, он лукаво усмехался. Великий русский актёр Михаил Щепкин советовал своим дочерям, мечтавшим о сценической славе, учиться актерскому мастерству у Гоголя.

Следует полагать, что именно это, авторское, исполнение «Ревизора» стало наиболее ярким и, конечно же, самым верным. Все прочие постановки были попытками понять Гоголя, приблизиться к нему. И, наверное, никому это не удалось в полной мере.

Ведущий

Возможно, для многих это прозвучит неожиданно, но я смею утверждать, что к рождению «Ревизора» причастен и… не удивляйтесь! – сам император Николай I. Не будем забывать, что перед появлением в печати или на сцене пьеса должна получить одобрение цензора. Цензоры своего одобрения дать не спешили. И вот обер-шенк двора Его величества граф Матвей Юрьевич Вьельгорский (по просьбе давних ходатаев Гоголя Пушкина и Жуковского) пробивается с этой комедией на приём к императору и просит его высочайшего заступничества. Николай I прочёл «Ревизора». Комедия получила высочайшее одобрение. А вот и документальные подтверждения. 29 апреля 1836 года Гоголь писал актёру Михаилу Семёновичу Щепкину: «Если не заступничество государя, пьеса моя не была бы ни за что на сцене, и уже находились люди, хлопотавшие о запрещении её». Посылая матушке 5 июня 1836 года экземпляр «Ревизора», Гоголь отмечал: «Если бы сам

Государь не оказал своего высокого покровительства и заступничества, то, вероятно, она не была бы никогда играна или напечатана».

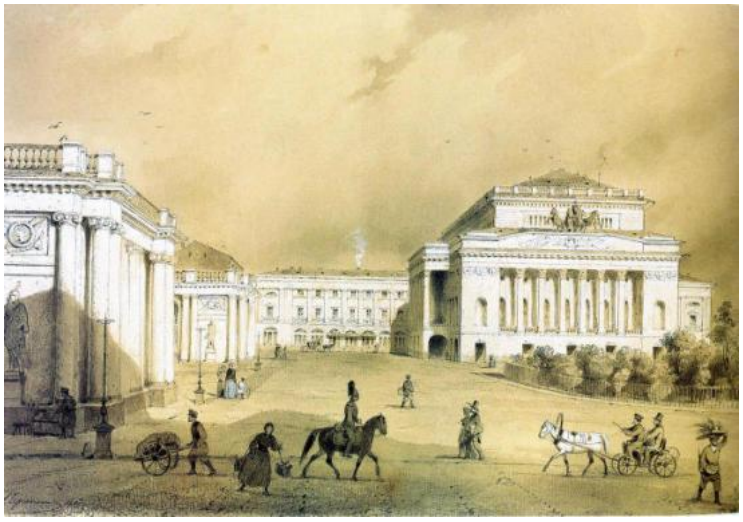
Дама театральная

Гоголь тщательно готовил первое явление театральной публике своего детища. Из тихого обитателя чердака он превратился вдруг в автора, которого приглашают на репетиции, о котором знает двор. Гоголь – и режиссёр, и декоратор. Он выбирает актеров, костюмы, продумывает оформление сцены.

Дама литературная

Гоголь вписывает в пьесу новые ремарки и реплики и печатает в типографии, её разучивают театры, пишутся декорации. Готовится издание пьесы отдельной книжкой.

Ведущий



И вот, господа, 19 апреля 1836 года. Александринский театр Петербурга.

(На экран проецируются изображение Александрийского театра Петербурга, афиша первого представления пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор»)

Пьеса явилась зрителю – состоялся первый спектакль! Комедия наделала много шума. Весь бомонд почтил своим присутствием премьеру. На спектакле был замечен даже И. А. Крылов, никогда в театре не бывавший! Партер был усыпан звёздами, ложи сверкали от драгоценных камней. Гоголь вжимался в своё кресло между тайным советником Жуковским и камергером князем Вяземским. Он чувствовал себя мухой, утопающей в дорогом соусе. Фрак торчал на нём колом, хохол выбивался и сбивался набок, руки в перчатках потели, чересчур накрахмаленная манишка резала шею. Он ёрзал и вертел головой, с испугом ловя реплики и вдыхая запах французских духов и помад. А наверху, где-то в раззолоченной ложе, возвышался Император.

Ведущий

Говорят, Николай I много смеялся. Только во время представления он начал понимать настоящий смысл комедии. Утверждают, что, выходя из ложи, он сказал: «Ну и пьеска! Всем досталось, а мне больше всех». Тем не менее, император приказал всем своим министрам сходить посмотреть комедию.

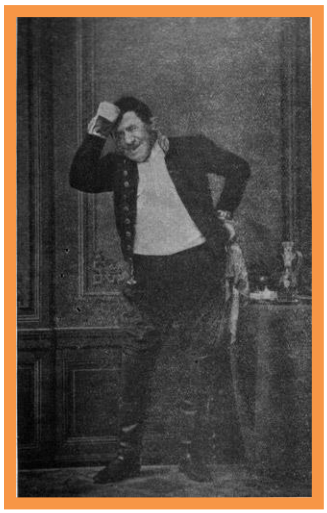
Дама литературная

Доподлинно известно, что и Гоголь был очень недоволен этой постановкой. Много лет спустя он писал В. А. Жуковскому: «Представление «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатление. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего».

После спектакля он был «в раздражённом состоянии духа. На вызовы автор не вышел. Волнуемый новыми для него ощущениями, он в тот же вечер заехал к знакомым, но не застал никого.

Театральная дама

Гоголь, кажется, был единственным, кто воспринял первую постановку как провал. Писателя расстроил тот факт, что из «Ревизора» сделали «забавное приключение», водевиль.



Увы! Актер Дюр представил Хлестакова пошленьким водевильным шалопаем.

Городничий (И.И. Сосницкий) выглядел обыкновенным тупоумным чинушей, ловко обманутым столичным пройдохой. Жена и дочь городничего выглядели глупенькими провинциальными куклами, которых провела столичная кукла Хлестаков. Все движения героев на сцене, их интонации были фарсовыми. Господа

актёры не постигли и ужаса немой сцены.

Литературная дама

По распоряжению Николая I Н.В. Гоголю и актерам И.И. Сосницкому, Н.О. Дюру и А. Афанасьеву, исполнявшим соответственно роли Городничего, Хлестакова и Осипа, были сделаны щедрые подарки – перстни стоимостью 800 рублей каждый!
Самый необычный «подарок» получил исполнитель роли Бобчинского актер Петров. В антракте одного из балетов его увидел Николай I и обратился к нему со словами: «А! Бобчинский! Так и сказать, что в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский?». «Точно так, Ваше Величество!» - отвечал тот бойко. «Ну, хорошо, будем знать!» - заключил Государь.

Истинный смысл гоголевского шедевра оказался недоступен театру XIX века. Я не ошибусь, если скажу, что раскрыть его помогли литераторы. Уже в начале XX века (1904 г.) увидела свет статья Д. С. Мережковского «Гоголь и чёрт». Мережковский разглядел в «Ревизоре» мистическое начало. И прежде всего – в образе Хлестакова. «Главная сила дьявола – уменье казаться не тем, что он есть», – писал Мережковский. У Хлестакова именно это свойство характера гипертрофировано до сверхъестественных пределов. Он не только производит впечатление значительного, важного лица – он сам, в минуту самозабвенного вранья, искренне верит и в суп, приехавший в кастрюльке прямо из Парижа, и в тридцать пять тысяч курьеров, рыщущих в его поисках по всему Петербургу, и в «Женитьбу Фигаро», написанную им всего за одну ночь. Вчерашний голодранец, ещё недавно стучавший зубами от голода и считавший последние часы до неминуемой отправки в тюрьму, он, благодаря неожиданному повороту судьбы, уверовал в свою «сверхчеловечность» – да так искренне и убеждённо, что и весь город разинул рот при виде новоявленного «мессии».

Фантастический реализм пьесы отмечает и В. В. Набоков в своих «Лекциях по русской литературе». Он относит её к жанру «сновидческих» произведений, усматривая в ткани пьесы движение теней и фантомов.

Театральная дама

Только в 1920 году в спектакле МХАТ по воле режиссера Константина Сергеевича Станиславского и исполнителя роли Хлестакова Михаила Александровича Чехова зрители увидели не банальную комедию, а истинно гоголевскую фантасмагорию. Наконец-то на русской сцене появился тот Хлестаков, о котором писал сам Гоголь. Он парадоксальным образом соединяет в себе жалкого, униженного и оскорбленного маленького человека и лживую напыщенность правящей верхушки.

(На экран проецируются фотографии М. Чехова в роли Хлестакова)

Хлестаков в исполнении Михаила Чехова предстал смешным человеком со странной обезьяньей грацией. Он порхал по сцене почти невесомой пылинкой. Чехов играл не только хрестоматийную «лёгкость в мыслях необыкновенную», но и необыкновенную лёгкость бытия. Визитной карточкой роли стали новомодно взбитый на голове кок, странное бледное лицо, нелепо изогнутые серпом брови,. Этот грим заставлял зрителей видеть в Хлестакове одновременно клоуна и безумца. Чехов играл «пустое существо», порою наглое, порою трусливое, лгущее с упоением, обезумевшим от собственной лжи. Подобно крошке Цахесу, он появлялся на сцене как мистическое нечто, вдруг разом обретавшее власть над людьми, лишавшее их воли и разума. Этот Хлестаков мог спрятаться под юбку городничихи или вспрыгнуть на стул и усесться, поджав ноги. Но мгновениями в его облике появлялось что-то демоническое. Рецензенты «Ревизора» вспоминали героев Гофмана. Многие увидели в облике Хлестакова - Михаила Чехова, вдруг скопировавшим позу Николая I на парадном портрете, удивительное сходство с государем. Чеховский Хлестаков как раз и был тот самый чёрт, столь же заурядный, сколь и неуловимый, которого Гоголь всю жизнь хотел посрамить. «Химерический», «гротескный», «загадочный» — так его определяли критики.

Литературная дама

Хлестаков в исполнении Михаила Чехова – это было действительно хлестко! Он великолепно воплотил замечание тонкого стилиста Владимира Владимировича Набокова:

«Сама фамилия Хлестаков гениально придумана, потому что у русского уха она создает ощущение лёгкости, бездумности, болтовни, свиста тонкой тросточки, шлёпанья об стол карт, бахвальства шалопая и удальства покорителя сердец (за вычетом способности довершить и это, и любое другое предприятие). Хлестаков порхает по пьесе, не желая, толком понимать, какой он поднял переполох, и жадно стараясь урвать всё, что подкидывает ему счастливый случай. Он добрая душа, по-своему мечтатель и наделен неким обманчивым обаянием, изяществом повесы, услаждающего дам, привыкших к грубым манерам дородных городских тузов. Он беспредельно и упоительно вульгарен».

Ведущий

Если в спектакле МХАТа эффект достигался во многом благодаря контрасту внешне «реалистической» среды и «неуловимо-призрачного» Хлестакова, то «Ревизор» Всеволода Эмильевича Мейерхольда, увидевший свет в 1926 году на сцене ГОСТИМа, был полностью решён как иррационально-мистическое зрелище. Его окрестили чудовищным натюрмортом».

(На экран проецируются фотографии сцен из спектакля «Ревизор» в постановке В.Э. Мейерхольда, Э.П. Гарина в роли Хлестакова)

Гоголевские персонажи появлялись и исчезали, как чёртики из табакерки, перебегали по сцене, как стая тараканов. Монтаж эпизодов (событий и видений), будучи лишенным прямой связи, основывался на алогизме метаморфоз. Мейерхольд ставил задачу показать гоголевских персонажей как кунсткамеру, страшный мёртвый мир, в котором вполне уместны чертовщина, бесовщина, пренебрежение любыми человеческими нормами. Атмосфера спектакля должна была быть страшно-смешной, чтобы публика смеялась над персонажами, но никогда не захотела их возвращения в мир живых.

Фантазия великого режиссера создала Образ Империи, ее столичный блеск, фантастичность и призрачность мира – в этом направлении работала. «Найти «скотинство» – в изящном облике брюлловской натуры». Такова эстетическая формула спектакля: на первый взгляд всё красиво и восхитительно – мебель из красного дерева, хрусталь. Но по сути, всё покрыто плесенью, грязью – как в «мутном аквариуме, в котором не поймешь, что водится».

Зрителям был предложен головокружительный хоровод ведений и тайных мечтаний гоголевских героев.

Театральная дама

На первый план в системе персонажей выдвинулся Хлестаков – Эраст Гарин. Мейерхольд считал: «Это была ошибка, что играли Хлестакова изнуренным денди».

Мейерхольдовско-гаринский Хлестаков – «фантасмагорическое лицо». Это была смена масок, трансформация пустоты. Везде, везде возникает Хлестаков, то в одном, то в другом облике — всюду, как чума, проникает хлестаковщина! Хлестаков первого эпизода — невесомый, как тень, — становится наглым, жадным хапугой,

вымогателем, Бог знает что вообразившим о себе паркетным шаркуном.

Во всех превращениях гаринского Хлестакова неизменно сохранялась нотка холодноватой, зловещей надменности. То страшное, жутковатое, что пять лет назад угадал в Хлестакове Михаил Чехов, что в чеховской раздёрганной, больной фигурке вдруг выглядывало с мрачной улыбкой и вновь пряталось, ускользало, – здесь, в исполнении Гарина, было утверждено в самой полной мере.

Самой запоминающейся деталью его костюма был орден в виде бублика. Хлестаков и воплощал такую «дырку от бублика». Ни малейших признаков живой человеческой души – одна лишь холодная пустота. В его облике было что-то от «оборотня», от «мелкого беса».

Вот свидетельство одного из очевидцев:

«На роскошном фоне бытовых образов спектакля проходит неслышными шагами жуткая, тонкая, как фитюлька, черная фигурка, внутренне безжизненная, омертвелая, неподвижная, как манекен... Это — Хлестаков, весь в черном, в черном фраке, в высоком черном цилиндре, в роговых, четырехугольных, затеняющих лицо очках на равнодушном бледном лице, задумчиво-молчаливый, с условно-подчеркнутыми автоматическими жестами /.../ За этим Хлестаковым ощущается ясно полная пустота — физическая и душевная, жуткая пустота, как будто двух измерений, не человек, а «тень» /.../ / Как оборотень, он на миг — вдруг в блестящем военном мундире; но оглянулись — и нет его, и опять та же черная фитюлька, фикция, мираж».

Литературная дама

Хотелось бы отметить: Мейерхольду удалость раскрыть секрет финальной «немой сцены». Она контрастировала с привычной «бытописательской» трактовкой. Режиссёр представил её как апокалипсическую трагедию. Городничего со свитой настигало не просто известие о приезде настоящего ревизора, а удар Рока. Настолько велик был этот ужас перед лицом разверзшейся бездны, что герои

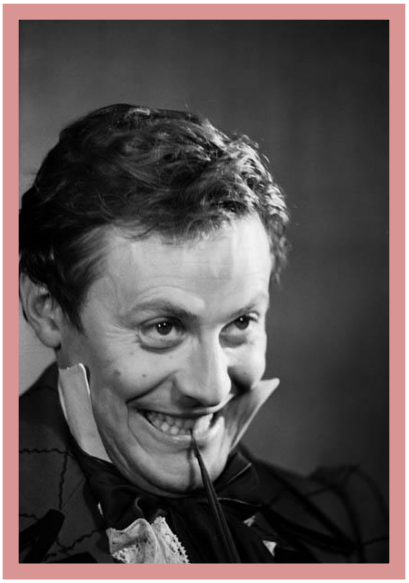
мейерхольдовского спектакля окаменели в самом прямом смысле этого слова – в финале на сцене оказывались не актёры, а выполненные в натуральную величину человеческого роста куклы-манекены. Это было по-настоящему странно и страшно.

Театральная дама

Свежие краски открыл в «Ревизоре» спектакль Малого театра, поставленный в 1966 году И. В. Ильинским.

(На экран проецируются фотографии сцен из спектакля «Ревизор» в постановке И.В. Ильинского и Ю.М. Соломина в роли Хлестакова)

Он переносил зрителей в пусть нелепый, но по-своему обаятельный мир русского провинциального захолустья. Созвучен ему был и Хлестаков – юный, легкий, порхающий. Его играл Юрий Мефодьевич Соломин. Актёр представил героя наивным, но далеко не глупым молодым человеком. Чем-то (как признавался сам актер) герой напомнил ему стилягу. Как вспоминает Ю. М. Соломин, И. В. Ильинский напутствовал его такими словами: «Твой Хлестаков – это щенок, которому дают деньги, кормят, всячески ублажают… Чего ж не взять, когда дают на лапу? Играй щенка, которого приняли за матёрого волка».



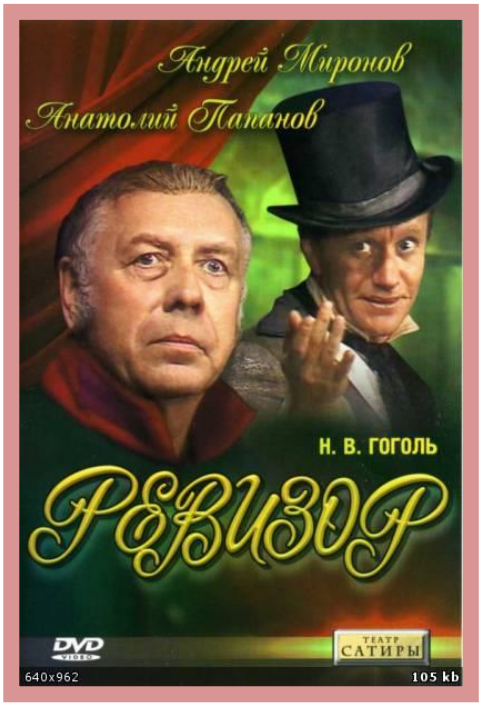
Ведущий

В 70-е годы XX века появились два очень интересных спектакля, которые по-своему продолжили и развили трактовку «ревизора», предложенную В. Э. Мейерхольдом.

Театральная дама

Режиссёром одного из них стал Валентин Николаевич Плучек. В конце 20-х – начале 30-х годов XX века он играл в Театре имени Вс. Мейерхольда. Участвовал будущий режиссер и в «Ревизоре». Плучек любил рассказывать, как он выскакивал из тумбочки в сцене фантазий городничихи.

(На экране демонстрируются фрагменты телеспектакля «Ревизор», реж. В. Плучек)



Ведущий

В 1972 г. лейтмотивом спектакля было чувство всеобщего страха.

Тему эту режиссер решал прежде всего через образ Хлестакова, которого блистательно играл Андрей Александрович Миронов. В его исполнении Хлестаков предстал трагикомическим персонажем, понимающим, что его «звёздный час» в уездном городе больше никогда не повторится. Актер совершенно отказался от толкования своего героя как лица фантасмагорического. Перед нами возникал маленький человек, в замызганном платье, вечно голодный. Миронов согревал характер максимальным сочувствием к существу «ни сё, ни то»: Хлестаков ходил странноватой, почти балетной походкой, в ботинках не по размеру. Сентиментальный «мелкий фарца», потрясенный радушием, которое ему неизвестно за что оказали в городе.

Вот что говорил о своем Хлестакове сам Андрей Миронов: «У Хлестакова несоответствие потребностей и возможностей. Он человек страстей. Ему хотелось бы владеть миром, а не бричкой. Хлестаков – фигура трагическая, он больше всех боится, что сказка, в которую он попал помимо своей воли, скоро кончится, и он снова будет шаркать по паркетам своего департамента... ... Окружающие Хлестакова люди сами надувают его. Они привыкли жить в страхе. Слабый, по их мнению, должен бояться сильного. Каждый должен стремиться стать сильным. И Хлестаков тоже хочет быть сильным, но в минуты прозрения понимает своё ничтожество, ему становится страшно, и он спешит отомстить миру».

Литературная дама

Мне хочется процитировать замечание о Хлестакове очень уважаемого литературоведа и культуролога Ю.М. Лотмана. Оно может служить прекрасным подтверждением мыслей замечательного актера А.А. Миронова. Юрий Михайлович полагал, что основа вранья гоголевского героя – «бесконечное презрение к себе самому». Хлестаков врет для того, чтобы перестать быть самим собой, побыть хоть мгновение в

вымышленном мире, стать «другим». Из «канцелярской крысы» превратиться в «Ваше превосходительство».

Театральная дама

Тема всеобщей паутины страха была главной и в «Ревизоре», поставленном в мае 1972 года Г. А. Товстоноговым.

(На экране демонстрируются фрагменты телеспектакля «Ревизор», реж. Г. Товстоногов)

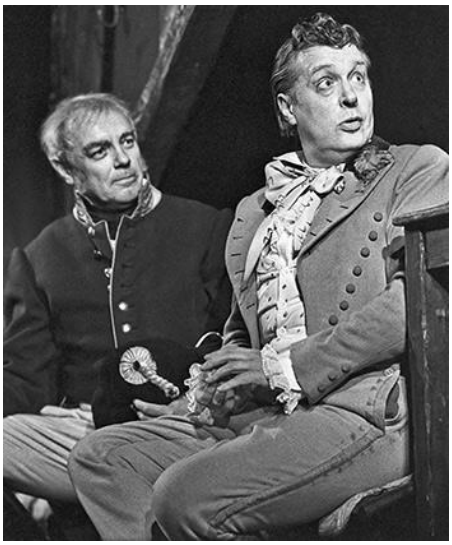
Избрав такую трактовку пьесы, режиссёр вернулся к традиции Михаила Чехова и Мейерхольда — к трагедии.

Страх – как реальное действующее лицо пьесы. Не просто страх перед начальством, перед наказанием, а страх глобальный, космический, совершающий аберрацию в мозгу человека. Страх, рождающий наваждение.

Страх парализовал чиновников. Его зримым театральным символом стала Черная кукла, то и дело появляющаяся в момент очередного приступа страха, – напоминающая то ли автомат, то ли мертвое пугало.

Неожиданность поджидала зрителей на каждом шагу, начиная с распределения ролей. «Кирилл Лавров – Городничий. Как! Городничий – и актер глубинного психологического поиска, напряженной внутренней серьезности? Это несоединимо с гоголевской сатирой. – пишет театральный критик Инна Вишневская. - Олег Басилашвили – Хлестаков. Да не ослышались ли мы? Басилашвили, красавец, игравший царей и вельмож, статуарный рослый «герой» – и вдруг юркий, тоненький, в клетку модных петербургских брюк, «сосулька», «тряпка» Хлестаков?!». <…> Замечательно роль Городничего исполнил Кирилл Лавров, которого зрители привыкли видеть как героя положительного, мужественного, исполнителя роли Ленина, до которой допускались лишь избранные артисты. И вдруг, он Городничий из мира страха и угодничества? Для зрителя это был ход неожиданный и исполненный мастерски! Гадким и отвратительным выглядело его пресмыкательство перед ничтожеством “фитюлькой” Хлестаковым. А как в финале он расцветал на глазах, мечтая о столичном Петербурге! Менялись его походка, взгляд, манеры и улыбка. Хорош был и Басилашвили! На глазах зрителей его герой – Хлестаков становился значительной персоной. Само общество, среда, окружение

делают его значимой личностью, из ничем не примечательного негодяя».



Товстоногов превратил сцену в безжалостный разрез дома городничего. Наверху – комната, где поселят прибывшего «ревизора» и где он будет, трепеща от страха и восторга, принимать «дары» от чиновников.

В другом верхнем углу сцены – чистенькая, провинциальная и уютная комнатка Марии Антоновны. Здесь Хлестаков будет кружить голову себе и дочери городничего любовными признаниями. А внизу – гостиная. В ней тоже много уголков «интима», в которых герои комедии шепотком иногда обронят искреннее слово. Центр сцены похож на цирковую арену. Это «круг лжи», «представления», которое дают герои друг другу. Никто друг на друга положиться не может.

По замечанию известного театрального критика К. Рудницкого «взамен монументального канона предлагалась своенравная экспрессия, взамен прямолинейного хамства – хамство мнительное, снедаемое мрачными предчувствиями, суеверное».

Ведущий

10 января 1848 года Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Мой смех был в начале добродушен; я совсем не думал осмеивать кого-либо с какой-нибудь целью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышал, что обижаются и даже сердятся на меня целиком сословия и классы общества, что я наконец, задумался. «Если сила смеха так велика, что её боятся, стало быть, её не следует тратить по-пустому. Я решился собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости и за одним разом посмеяться над всем» — такова основная цель, которую ставил перед собой Гоголь.

Литературная дама

«Чему смеётесь?» – этого вопроса городничего, обращенного к залу, ещё не было в тексте 1836 года. Но его задавал себе не один ум. Над кем мы смеялись? Уж не над собой ли?

Театральная дама

Разоблачая фокусы зла, Гоголь никогда не забывал о том, что реальная Россия добра и прекрасна. Именно это «соборное» начало, присущее русскому народу, уже не раз помогало ему выстоять в борьбе со злом. Но помним ли об этом мы – те, к кому и сегодня адресуется

горькая усмешка запоздало прозревшего Городничего: «Чему смеётесь? Над собой смеётесь!».

Чтец

«Но отчего же грустно становится моему сердцу! Странно: мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в нём во всё продолжение её. Это честное, благородное лицо был — смех. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое даётся ему в свете. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на то что доставил обидное прозванье комику — прозванье холодного эгоиста, и заставил даже усомниться в присутствии нежных движений души его. Никто не вступился за этот смех. Я комик, я служил ему честно, и потому должен стать его заступником. Нет, смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также лёгкий смех, служащий для праздного развлеченья и забавы людей, — но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека, излетает из неё потому, что на дне её заключен вечно биющий родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проницающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека».

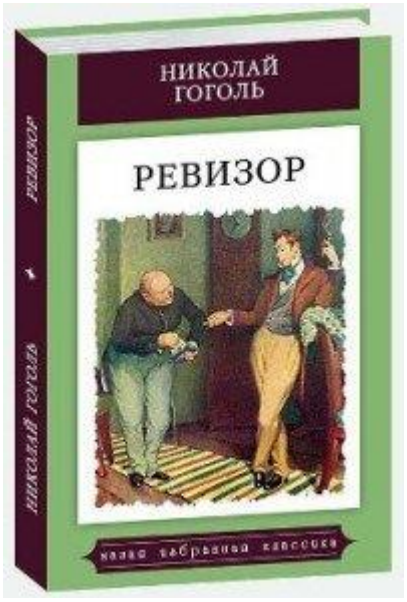
Н. В. Гоголь. «Театральный разъезд».

Ведущий

Воскликнем же вместе с Н. В. Гоголем: «Да здравствует смех! Да здравствует комедия!».

Театральная дама

Жду вас в театре! У нашей бенефициантки столько великолепных воплощений! Кроме театральных постановок есть и балет Александра Владимировича Чайковского «Ревизор». А совсем недавно бенефициантка предстала в мюзикле Владимира Сергеевича Дашкевича!



Литературная дама

Дорогие друзья! Читайте бессмертную комедию Гоголя! Фантазируйте и размышляйте вместе с ее автором!

ВОПРОСЫ ВИКТОРИНЫ

Какой эпиграф Н. В. Гоголь предпослал комедии “Ревизор”? (На зеркало неча пенять, коли рожа крива.)

Что является завязкой в «Ревизоре»? (Завязка двойная: письмо Чмыхова и появление Добчинского и Бобчинского с известием о приезде ревизора.)

Что является кульминацией пьесы? (Сцена чтения письма Хлестакова)

Необычна и развязка «Ревизора» — растянутая, «тройная». Разъясните её необычность. (Развязка составлена из отъезда Хлестакова, его разоблачительного письма и известия о прибытии настоящего ревизора.)

Какой чин имел Хлестаков? («а то ведь елистратишка простой!» - коллежский регистратор, младший гражданский чин.)

Почему у Хлестакова в отличие от других персонажей почти нет реплик «в сторону»? (Хлестаков не скрывает своих мыслей от собеседников. У него что на уме, то и на языке.)

Городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский сформулировал «неизъяснимый закон судеб для умного человека в России». Что за закон, позвольте полюбопытствовать? Напомню: речь шла о школьных учителях. («Да, таков уж неизъяснимый закон судеб: умный человек – или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси».)

Какой еще закон сформулировал Городничий, распекая квартального Свистунова? Его можно назвать основополагающим для российского чиновничества. («Смотри! Не по чину берешь!»)

Гоголь, отвечая на упрёки, что в пьесе нет ни одного положительного лица, писал:
«Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе...Это честное, благородное лицо был-...» (Смех)

Вспоминая, как он сидел на премьере своего «Ревизора», Гоголь писал: «Одного только судьи из всех, бывших в театре, я боялся...». Кто этот судья? («Одного только судьи из всех, бывших в театре, я боялся, и этот судья был я сам, – вспоминал Гоголь. – Внутри себя я слышал упреки и ропот против моей же пьесы, которые заглушали все другие. А публика вообще была довольна».)

Где находится город, в котором происходят события пьесы “Ревизор”? (Город находится где-то между Пензой и Саратовом. Хлестаков проигрался в Пензе и ехал в Саратовскую губернию)
Да отсюда, хоть три года скачи, _ _ _ _ _/...ни до какого государства не доедешь/.

В каком году происходит действие пьесы «Ревизор»? (В 1831 году. В первом действии Ляпкин-Тяпкин говорит о том, что 15 лет сидит в судейском кресле, а в четвёртом — рапортует Хлестакову, что избран в 1816 году)

Кто из популярных писателей собственноручно перевёл гоголевский «Ревизор» на французский, озаглавив результат «Генеральный инспектор»? (Проспер Мериме)

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

- Абрамова, Ю.В. Анализ "немой сцены" в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» / Ю.В. Абрамова // Литература в школе. - 1999. - №2. - С. 76-78.
- Барановская, И. Р. Изучение комедии Н. В. Гоголя "Ревизор". Интегрированный урок: VIII класс /И.Р. Барановская // Литература в школе. - 2014. - № 4. - С. 33-39.
- Быкова, В В. Это честное, благородное лицо был смех / В.В. Быкова // Литература в школе. - 1986. - №5. - С. 15-24.
- Вишневская, И. Л. Гоголь и его комедии / И. Л. Вишневская. - Москва: Наука, 1976. - 256 с.
- Вишневская, И. Л. Мой «Ревизор» / И. Л. Вишневская // Вопросы театра. – 2009. - № 1-2. – С. 234 - 251.
- Влащенко, В.И. «Две необыкновенные крысы» в «Ревизоре» / В.И. Влащенко //Литература в школе. - 2004. - №4. - С. 19-24.
- Воропаев, В. Горьким словом моим посмеются: о духовном смысле комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» / В. Воропаев //Литература в школе. - 1996. - №2. - С. 22-27.
- Граник, Г. Г. Установка и комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» / Г.Г. Граник, Л.А. Концевая // Рус. словесность. - 1999. - №6. - С. 59-64.
- Золотусский, И. Еще о «Ревизоре» / И. Золотусский // Литература в школе. - 1996. - №2. - С. 13-21.
- Казакова, Л. Суд над Хлестаковым / Л. Казакова // Литература (Прил. к газ. "Первое сентября"). - 1996. - №9.

- Лотман Ю.М. О Хлестакове / Ю.М. Лотман// Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. - Москва.: Просвещение, 1988. - С. 89 – 97.
- Манн, Ю.В. Комедия Гоголя «Ревизор» / Ю.В. Манн. – Москва: Худож. лит., 1966. – 112 с.
- Манн, Ю.В. Тайны гоголевского творчества: почему лекарь Гибнер не произносит ни единого слова / Ю.В. Манн // Литература в школе. - 2014. - №7. - С. 11-13.
- Мацкин, А.П. На темы Гоголя: театральные очерки / А.П. Мацкин. – М.: Искусство, 1984. – 375 с.: ил.
- Орлова, О.В. Нравственный смысл комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»: IX класс / О.В. Орлова // Литература в школе. - 2017. - № 3. - С. 9-13.
- Скатов, Н. «Назначение человека – служить. И вся наша жизнь есть служба» / Н. Скатов //Литература в школе. - 2009. - №1. - С. 2-5.
- Соколов, Б.В. Расшифрованный Гоголь / Б.В. Соколов. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.
- Терц, А. В тени Гоголя: «Ревизор» и «Мертвые души» / А. Терц. – М.: Глобус, 2005. – 160 с. – (Лит. Семинар).
- Тодоров, Л.В. Почему везет Хлестакову, или Возвращение к традициям изучения «Ревизора» / Л.В. Тодоров // Литература в школе. - 1998. - №5. - С. 96-106.
- Чернова, И.И. Что открывает театр в комедии Гоголя «Ревизор»?: опыт, сценич. коммент. / И.И. Чернова // Литература в школе. - 1995. - №1. - С. 74-80